

Вл. ЛИДИН

НА МОГИЛЕ ШЕКСПИРА

Мы приехали в Стратфорд на могилу Шекспира. Желтые с черными лентами — цвета шекспировских празднеств — украшали автомобили, дожидавшиеся представителей двадцати шести стран. Каждая страна поднимала свой флаг в честь создателя драм и комедий.

Он сам походил на театральную постановку Шекспира — этот город со своими домами XVI века, с их треугольными крышами и частыми переплетами окон, из которых выглядывали женские лица. Девушки в голубых платьях елизаветинской эпохи с золотыми сетками на головах раздавали пучочки расцветшего вереска. Англия XVI века представляла на улицах города, которому выпала честь называться родиной Шекспира, Глашатай в красном камзоле с золотой булавой возглавлял современное шествие дипломатов в цилиндрах. Золотая титановая цепь с гербами и эмалевыми эмблемами, синяя мантия и длинная трость с набалдашником из слоновой кости служили признаком власти мэра города Стратфорда. Окна домов были открыты, и население города стояло шпалерами, пропуская необычный парад людей. Музыканты в красных с золотом куртках шли впереди. Музыка походила на вступление к одному из пышных и торжественных представлений Шекспира. Матчи со спущенными флагами и государственными гербами, обозначающими двадцать шесть стран, уходили длинным рядом на городской площади.

Мы подошли к матчу, на которой был государственный герб Союза Советских Республик. Кожаки шелкали, запечатлевая средневековую Англию, в память величайшего гения которой происходила эта необычная церемония. Прозвучали фафары, и двадцать шесть огромных стандартов восползли на вершины мачт. Мы подошли в честь великого Шекспира флаг самой молодой страны мира. Может быть, справедливее всех было это признание народов Союза, который столько раз в замечательных постановках прославил имя Шекспира. Оркестр заиграл, и шествие потянулось по улицам Стратфорда. Полурота британских солдат и школьники школы, в которой учился Шекспир, в соломенных шляпах и отложных широких воротничках возглавляли шествие.

Мы пришли в дом Шекспира, где он родился и жил. Черные бревна — основа стен — траурно украшали это белое и грубое жилище. Провисшие балки, источенная червями мебель, низкие потолки. Легенда приукрасила убогое пристанище человека. Сколоченная крыша и похожая на ларь парта изрезана школьнической рукой, и по преданию это — парта Шекспира. Все было грубо и убого в этом доме, хранилище величайшего человеческого имени. Часто застекленные окна, сквозь которые не проникает свет, узкие улочки города, ремесла столбцов и кожевников, оставивших кожаные куршны, оловянную посуду и мебель с изображениями святых. Все это прошло и осталось для музейного обозрения. Но во дворе дома, где жил Шекспир, была весна, такая же, как и триста семьдесят один год назад, когда он родился. Расцветала яблоня, на дереве ссорились и трепали воробьи. Здесь, в солнечном дворе этого домика, было больше Шекспира в его живой и яростной плоти, чем в мрачном полумраке давно покинутого жилища. Страсти, созданные им, живут до сих пор. Его великодушная речь не потускнела от времени. Воробьи трещат и дерутся на всех этих солнечных и цветущих деревьях, которые три с половиной столетия назад посадил Шекспир. Легенда, сопровождающая имя человека, родившегося в этом доме, одна из лучших легенд, ибо это легенда о гении.

Англия лежала нежнейшими пейзажами своей весны вокруг маленького города Стратфорда. Яблони и вишни цвели, на зеленых холмах паслись орцы. На кладбище, куда направлялось теперь шествие с венками и цветами, звонили колокола. Имена неизвестных Ричардсонов и Стивенсов были вырезаны на надгробных досках прошлых столетий, которые берегли покой этих наследников персонажей Шекспира. Кладбище спускалось вниз к Эвону, в его воле лежали облака. Фисгармония оглашала стенам готические своды церкви, в которой в склепе — могила Шекспира. Та же страна, молодой флаг которой мы понимали на мачте, возлежала на доску, стерегущую покой великого и легендарного имени, венок из расцветшего вереска и краснотатых цветов.

В пяти милях от города стоит дом Марии Арден, матери Шекспира. Превращенный в музей, он сберегает суровое и неприглядное прошлое. Очаг с железными котелками, в которых готовилась пища, оловянные тарелки, наследственные деревянные ложа крестьян, прикрытые соломенными тюфяками,

плетки и крысоловки, похожие на собачьи будки, и закрома, источенные червями. Во дворе в сарае сельскохозяйственные орудия — деревянный гигантский плуг, косы, которые более походят на штудии, и предметы народного быта. Грубая суровая земля взрастила Шекспира. Она не походила на эти зеленые подстриженные газоны английского парка с его дорогим одеялом, где отдыхают дипломаты перед посещением театра. Белые лебеди плывут по пруду, в зацветающем парке стонет горлянка и перекликаются птицы. Наследственные привилегии берегут покой этих вилл, подстриженных аллей, зеленых газонов, которые походят на ковры, и уединенных коттеджей. Белые голуби садятся на плечи и на голову посетителя во дворе дома Марии Арден. Открытки воспроизводят музейное уединение этой усадьбы, ее крестьянского обихода, и в доме, неподалеку, где жила Анна Хетхевэй, жена Шекспира, посетитель увидит деревянное широкое ложе, которое переходило из поколения в поколение, как символ продолжения рода. Ничто не упало от личной жизни Шекспира, не сохранилось даже портрет Анны Хетхевэй. Но в ее комнате под крутым треугольником крыши стоит узкая девичья постель, прикрытая соломенным тюфяком. Эта постель принадлежала в девичестве ей, дочери простых и незаметных людей, которой суждено было остаться в истории.

В Вестминстере, в вестибюле английского парламента висят картины, изображающие прошлое Англии. Короли и герцоги приветствуют друг друга на фоне радостных и счастливых пейзажей. Оливер Кромвель затвердел в броне на века перед сумрачным зланием парламента. Все это, как каменные и бронзовые складки истории, которая спала с царственных плеч. Шекспир оставил иные пейзажи. Он воспринял трагическую полосу усобиц, коварств, кровавых низвержений и кровавых расправ. Его язык не знал придворной величавости. Он никому не льстил и ни перед кем не заискивал. В эпоху деревянных плугов, «низкой черни» и зыбких сословий он говорил страшным голосом правды, которую на жалких подмостках разыгрывали странствующие актеры. Может быть, именно здесь, среди этих низов, от которых остались ветхие и покосившиеся дома Стратфорда с их утварью и деревянной резьбой, был популярен Шекспир, как глашатай века. Они узнавали правду в речах его шутов и познавали переходящее величие в королевских завоеваниях и низвержениях.

В Стратфорде эту правду Шекспира бережет предметный мир его эпохи. В театре его имени ставят ныне в шекспировский фестиваль весь цикл его пьес. Благородство шекспировской речи звучит в этот вечер с подмостков, где английские актеры разыгрывают его комедию. Цветные огоньки иллюминации бежали весь город. Слова любви и соленые шутки произносятся в театре, который создал Шекспир. Флаги, поднятые днем, развеваются на мачтах. Ночью слышно, как течет Эвон. Так же, вероятно, плескался он и столетия назад, и одинокий драматург слушал этот плеск и сочинил монологи. Века прошли, и монологи, которые, может быть, он произносил в одиночестве, стали ныне достоянием народов, поднимающих флаги в его славу и честь.

Театр пустеет, и служители закрывают входные двери. Последние цветные огоньки иллюминации погасают в Стратфорде. Ночной холодок налетает с холмов. Весна встает над землей Шекспира, над легендой об его имени, над безностью отчего очага, над свидетелями эпохи грубой, бесправной и кровавой, которую на столетия обессмертил Шекспир.

Май, 1935.

Стратфорд, Англия.